

ПОЛИТЕХНИК

ИЗДАНИЕ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО ТЕХНИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

№ 20 (3059)

Среда, 30 сентября 1992 г.

Выходит с 9 ноября 1912 г.

Цена 50 коп.

В РЕЗУЛЬТАТЕ ПРОВЕРКИ

В июле в СПбГТУ работала комиссия министерства науки, высшей школы и технической политики Российской Федерации. Под руководством члена Комитета по науке и народному образованию ВС Российской Федерации, народного депутата Российской Федерации профессора Р. Е. Тихонова в составе: профессора Э. М. Соколова — ректора Тульского политехнического института, профессора В. З. Васильева — народного депутата Российской Федерации, заведующего кафедрой Санкт-Петербургского института инженеров железнодорожного транспорта, профессора Н. В. Алешина — первого проректора Санкт-Петербургского государственного морского технического университета, Ю. В. Белкина — профессора Санкт-Петербургского государственного морского университета, профессора Ю. Н. Гаврилец — заведующего лабораторией Центрального экономико-математического института Российской академии наук, И. И. Горбачева — народного депутата Калининского районного совета г. Санкт-Петербурга, Ю. И. Орлова — доцента Санкт-Петербургского горного института, профессора М. А. Сиверса — ректора Ленинградского электротехнического института связи им. Бонч-Бруевича, Ю. Н. Черемных — профессора Московского государственного университета, комиссия осуществила

проверку деятельности Санкт-Петербургского государственного технического университета в связи с обращениями и жалобами группы заявителей в различные руководящие инстанции.

Комиссия считает целесообразным:

1. Ректорату, деканатам, заведующим кафедрами, руководителям других подразделений глубже проанализировать положение дел в Университете, обратить особое внимание на вопросы стиля руководства, создания рациональной системы управления по всей цепочке: ректор — деканат — кафедра — лаборатория — студенческая группа, улучшения учебно-научной и производственно-коммерческой деятельности, улучшения работы с людьми, их социальной защиты.

2. Ускорить подготовку аттестации Университета и проведение углубленной комплексной проверки его деятельности в свете современных требований. Считаю необходимым потребовать от ректората в ближайшее время создать принципиальную, квалифицированную комиссию и провести внутреннюю проверку финансово-хозяйственной деятельности СПбГТУ. Министерству необходимо оказать методическую помощь Университету в решении хозяйственных и экономических вопросов.

3. Рекомендовать ректорату

создать специальную службу для координации и контроля деятельности хозяйственных структур.

При заключении хозяйственных договоров обратить внимание на необходимость индексации цен за аренду помещений. Обеспечить большую гласность в деятельности хозяйственных структур.

4. В порядке подготовки к государственной аттестации Университета разработать мероприятия с учетом ликвидации отмеченных недостатков, представить план этих мероприятий в Комитет по высшему образованию к 15 сентября 1992 г.

В целом комиссия отмечает, что вскрытые недостатки дают повод для выражения определенного недовольства в адрес руководства С.-Петербургского государственного технического университета. В то же время считаем своим долгом отметить, что большинство поставленных в письмах и заявлениях вопросов должны были быть сняты в рабочем порядке. При отсутствии юридических подтверждений высказанных претензий комиссия оценивает обращения в вышестоящие инстанции недостаточно обоснованными. Обращаем внимание министерства науки, высшей школы и технической политики Российской Федерации на то, что подобные жалобы следует рассматривать в судебном порядке.

8 сентября 1941 года в городе был сильнейший артобстрел. Сгорели Бадаевские склады, была прорвана наша оборона. Началась 900-дневная блокада. А всего три года назад в Политехническом открыли небольшой мемориал: Колодец жизни. Возле навеки застывшей капли воды в очередной раз в этом году собрались ветераны-блокадники. Теперь уже только те, кто были тогда либо девочками и мальчиками, либо совсем молодыми людьми. Стучал метроном, трепетал огонек свечи, очень строго

Или я не права?..

смотрелись скромные дачные цветы. Звучали рассказы, возвращавшие память к тем и страстным, и дорогим дням. Дорогим, потому что прошлое всегда бесценно, как часть жизни, как часть молодости.

Они улыбались. Глаза были грустные, но лица светлые. Они были удивительно интеллигентны. Все. И еще добры и горды, так что в душе не подымалось чувство жалости. Только благодарность. Они

собрались сами для себя. Они понимали, что в нынешнее сложное время нет даже возможности устроить для них чаепитие, чтобы можно было поговорить, помолчать, вздохнуть, и порадоваться новой встрече (кто знает, сколько их еще будет?). Они благодарили Научно-технический коммерческий центр А. С. Анисимова за выделенные на их нужды 3 тысячи. А мне было неловко, что не было в этот час рядом с ними никого (кроме двух школьников, пришедших со своей матерью) из тех, кому нет еще тридцати. Не было ни цветов, ни пожеланий здоровья и долгих лет жизни от ректората. Приятным исключением прозвучали добрые слова депутатов А. А. Денисова и Е. О. Кучумовой, которым, кстати, тоже довелось узнать, что такое блокада. Нет, я не хотела бы, чтобы, как раньше, приводили по разнарядке скучающих студентов. Здесь не может быть принуждения. Только не было бы между нами пустоты. Дай Бог, чтобы мы ощущали и понимали потребность друг в друге, ведь жива только неформальная связь, только тонкая ниточка от одной души к другой.

И. КОРСАКОВА

Читайте в номере:

- «Дай Бог, чтобы мы ощущали и понимали потребность друг в друге...» — 1-я стр.
- В гостях у Дома ученых в Лесном — 2-я стр.
- Кафедра отечественной и зарубежной художественной культуры доказывает свою необходимость — 3-я стр.
- Приглашаем в Русский музей — 4-я стр.

Премия — за рефераты

В середине мая проходила студенческая конференция, посвященная 90-летию со дня открытия Санкт-Петербургского политехнического института. За содержательные, хорошо подготовленные рефераты решено поощрить следующих студентов, выдать денежную премию (по 350 руб.):

1. Бреусу Александру Петровичу (группа 181/1) за реферат «Максим Максимович Ковалевский — крупнейший ученый, общественный и государственный деятель».
2. Усманову Рустаму Тимуровичу (группа 181/1) за реферат «Максим Максимович Ковалевский — крупнейший ученый, общественный и государственный деятель».
3. Ерофееву Денису Анатольевичу (группа 186) за реферат

«Многотиражные газеты ЛПИ (1912—1992 гг.).».

4. Конарской Александре Ивановне (группа 182/2) за реферат «Ученые-историки Санкт-Петербургского политехнического института».

5. Кузнецову Сергею Анатольевичу (группа 181/4) за реферат «М. И. Туган-Барановский и его научное наследие».

6. Пережигину Сергею Борисовичу (группа 184/2) за реферат «Жизнь и деятельность выдающегося историка профессора А. А. Корнилова».

7. Якубянцу Николаю Валерьевичу (группа 182/2) за реферат «П. Б. Струве — выдающийся ученый, преподаватель и общественный деятель».

А также объявить благодарность 32 студентам.

НА СНИМКЕ: Н. Якубянец

Поможем библиотеке

В становлении и развитии университета важнейшую роль играет Фундаментальная библиотека, богатейшие фонды которой могут удовлетворить самые высокие требования в подготовке специалистов международного класса, научную работу, духовные и интеллектуальные запросы. Созданная трудами выдающихся ученых и общественных деятелей, она является в настоящее время одной из ведущих библиотек России и представляет большую национальную ценность. Коллектив сотрудников библиотеки осуществляет важную работу по сохранению имеющихся фондов. Однако за последние годы заметно увеличились потери библиотеки. По нерадивости или злостному умыслу в фонды не возвращаются наиболее ценная литература, часть изданий увозится за границу. Этому способствует недостаточно четкое выполнение Правил пользования Фундаментальной библиотекой, приказов ректора, несоответствие применяемых экономических санкций нанесенному ущербу.

Контрольная проверка, проведенная летом по 5 факультетам, показала, что 15 сотрудников университета уволились без расчета с библиотекой, в результате чего 67 изданий из основного фонда утрачены, часть из них вывезена за рубеж. О потере в 1991/92 учебном году 342 книг из основного фонда заявили сами студенты. Лишь 30% читателей своевременно сдает книги в библиотеку. Значительная часть литературы, оставленной на лето в общежитиях, в библиотеку не возвращается.

В связи с этим приказом ректора решено:

- провести выборочную переоценку литературы (издания до 1991—1992 гг.) в соответствии с конъюнктурой книжного рынка. При оформлении штрафа (замены) утраченного читателем издания руководствоваться новой ценой и ранее принятыми правительственными постановлениями;

- первый (единственный) экземпляр научной или учебной книги, хранящейся или поступающей в основной фонд библиотеки, выдавать для пользования только в читальные залы. Ныне действующее положение по ограничению выдачи на дом периодических, других типов и видов изданий сохраняется;

- пересмотреть состав подсобных фондов читальных залов с целью их пополнения и актуализации. Организовать обслуживание читателей по индивидуальным запросам с использованием как подсобных, так и основного фондов библиотеки;

- ввести штрафные санкции за нарушение Правил пользования Фундаментальной библиотекой;

- исключить случаи увольнения сотрудников университета без предоставления отметки в обходном листе о полном расчете с Фундаментальной библиотекой.

Осенью прошлого года, когда в Доме ученых в Лесном неожиданно уволился директор, а сам Дом стал структурным подразделением университета, выйдя из-под обкомовской опеки, я встретился с Сергеем Прохоровым, исполнявшим обязанности директора. Но материал тогда так и не получился. Сначала уточнялись мнения и взгляды на перспективы и пути развития культурного центра членов совета ДУ, затем дожидались результатов конкурсного выбора нового директора, а весной у Сергея, утвердившегося уже окончательно в качестве хозяина Дома, появилась такая масса дел и проблем, что было не до бесед. Но в конце концов мы снова встретились.

Сергей поначалу показался мне менее эмоциональным, без бросавшегося раньше в глаза энтузиазма. Деловой, спокойный, да, но что-то как будто ушло. А когда разговорились и Сергей стал не отвечать на вопросы, а попросту делиться своими радостями и удачами, я поняла, что ошиблась. Он стал просто чуточку рассудительнее, но только чуточку, не более.

— Сергей, год назад мне показалось, что Дом ученых стоит на пороге перемен. Не затнулось ли стояние? Какие из планов оказались реальными, достижимыми, а к каким еще не подступиться?

— В прошлом году, — помнишь? — больше всего нас донимала хозяйственная разруха. Про-

текала крыша, осыпались стены. Было просто неловко от того, что Дом наш в подобном состоянии, не будешь ведь каждому объяснять, что по разным причинам даже поверхностного ремонта не было лет 15, а реконструкции не было, наверно,

принадлежит университету, и я не вправе там распоряжаться. Хотелось бы все время заниматься теннисными кортами, столько заманчивых предложений от коммерческих структур поступает, но здесь я тоже не полноправный хозяин.

зывать преимущество детям политехников, даже если ведем набор на конкурсной основе.

— Сергей, а есть у вас какие-либо новые перспективы?

— Пока в нашем Доме широко развита сеть различных мероприятий с обучающей систе-

иметь возможность жертвовать их на те вещи, которые не могут и не должны себя окупать. Недавно, например, датчане предложили обучать их русскому языку, и мы согласились. На этом можно заработать.

С сентября в 1-й и 3-й вторник с 19.00 хозяйка салона мадам Божко ждет своих гостей на вечерах «непосредственного общения на любом языке искусства: музыки, поэзии, живописи». Ее салон по сути своей является международным клубом сотворчества.

Недавно совсем случайно познакомился с руководителем джаз-ансамбля. Пусть дадут у нас концерты «Джаз-блюз» или «Антология джазовой музыки». Можно устроить и джаз-кафе. Пара бирж заинтересована в открытии Школы бизнеса, которая занималась бы в утренние часы.

А еще Сергей мечтает, как заядлый КВН-щик, о «Стёб-клубе», готов выделить для наших кэвээзников мастерскую, пусть творят. Тоскует по авторской песне, и выдумывает, ищет, привлекает людей, которые бы создали новую волну авторской песни. Хочет собрать в клубе любителей попеть, приглашает знаменитых и никому не известных бардов. Объединить людей, чтоб не было им в нынешнее время так тошно. Внедряет идею о Школе практического гипноза, которая давала бы от заинтересованных бизнесменов хорошую прибыль.

И. КОРСАКОВА

О профессорах, доцентах и их детях...

никогда. На сегодняшний день больше не плачет крыша, приведены в порядок 5 гостиных, сделан косметический ремонт фасада здания. Причем, осуществили мы это дело практически за свой счет, на свои заработанные средства.

Прижился, как я и хотел, бридж-клуб. Правда, ходят туда не ученые, а студенты, но зато они меня очень радуют. Они тихо так играют, просто идиллия. Только вот курить их по углам гостиной не могу отучить.

Не получилось пока ничего с сервисной службой для ученых, хотя одно учреждение взялось за это, но так и не доделало. Нет и прилично кафе, где можно было бы спокойно посидеть, поговорить, отдохнуть, а в то, что действует, ни один ученый не захочет, я думаю, заглянуть, настолько специфична там публика. Кафе

— Сережа, насколько я поняла, ДУ так и остался прежде всего домом для детей, а потом уже для студентов, сотрудников, жителей района, а как же насчет «возможности для ученых выразить свой творческий потенциал»?

— Да, я одно время считал, что приоритет должен принадлежать ученым, ведь это их Дом. Но, видимо, они еще и сами не готовы к этому, не ощущают потребности. Во всяком случае, мы всегда готовы пойти им навстречу. А что касается детей, то меня недавно убедил один профессор, сказав такую фразу: «Для того, чтобы были академики, нужны хорошие профессора, а для того, чтобы были хорошие профессора, нужно, чтобы доценту знали, что их дети где-то пристроены. Например, в Доме ученых». Вот и все. Я с ним согласился. Мы стараемся ока-

мой и для детей, и для взрослых. Культмассовая же работа, способная привлечь студентов, сотрудников, ученых пока представлена только киносеансами. Нет вечеров отдыха. Мне хотелось бы добиться всплеска досуговой работы. Для начала пригласил к нам театр пантомимы «Четыре ветра», у них есть классические работы «Шинель», «Ревизор». Удалось освободить один класс, чтобы открыть мастерскую прикладного искусства. В мае, между прочим, мы добились, выделили деньги и организовали в Музее этнографии выставку вышивки «Узоры белых ночей» нашего замечательного народного мастера России Людмилы Ивановны Хоповой и ее студии.

Мы стараемся сотрудничать со многими коммерческими структурами, но не гонимся за деньгами, зарабатываем, чтобы

М. И. Туган-Барановский и его наследие

В последние годы резко возрос интерес к личности и научному творчеству замечательного русского экономиста Михаила Ивановича Туган-Барановского. Нельзя сказать, что ранее его имя совершенно умалчивалось. О такой гигантской фигуре умолчать было просто невозможно. Но личность и научное наследие М. И. Туган-Барановского всячески фальсифицировались и искажались.

«Русский буржуазный экономист, один из видных представителей так называемого «легального марксизма»... стремился противопоставить экономическому учению Карла Маркса теорию «австрийской школы». Подобными примитивными клише характеризовался один из российских виднейших экономистов.

Неоднократно имя М. И. Туган-Барановского в резко критическом плане упоминалось в работах В. И. Ленина «Заметка к вопросу о теории рынков (по поводу полемики гг. Туган-Барановского и Булгакова)», «Кадетский профессор»; «Либеральный профессор о равенстве» и др.

Ряд лет жизнь М. И. Туган-Барановско-

будучи по природе своей вождем, Михаил Иванович остается в период революции 1905—1907 гг. как бы в тени. Но именно в этот период он вступил в партию кадетов.

В 1912 году М. И. Туган-Барановский выдвигался кандидатом от кадетов в Государственную думу, но не был избран.

Ряд лет Туган-Барановский участвовал в кооперационном движении, а с 1909 г. возглавлял журнал «Вестник кооперации». Был создателем и редактором всех дореволюционных выпусков неперiodического издания «Новые идеи в экономике», издававшегося до начала 20-х годов.

После Октябрьской революции в конце 1917 — январе 1918 года Михаил Иванович занимал пост министра финансов Центральной украин-

ской Рады, но затем отошел от активной политической деятельности. Был профессором и деканом юридического факультета Киевского университета, первым председателем украинского научного общества экономистов; редактировал журнал «Украинская кооперация». Михаил Иванович был одним из основателей Украинской Академии Наук, председателем ее социально-экономического отдела.

В качестве советника по экономическим вопросам М. И. Туган-Барановский выехал в январе 1919 года с делегацией украинской Директории в Париж и близ Одессы умер от сердечного приступа.

Ныне имя Михаила Ивановича хорошо известно экономистам благодаря его теоретическим работам, где изложены многие новые научные идеи

го была теснейшим образом связана с Петербургским политехническим институтом, где он преподавал на экономическом отделении (факультете). Его курс лекций «Основы политической экономии», выдержавший до революции несколько изданий, пользовался огромной популярностью среди студенчества. Предлагаемая читателям статья о М. И. Туган-Барановском написана студентом группы 181/4 ФТК на основе его интересного реферата — «М. И. Туган-Барановский и его наследие».

Реферат Сергея Кузнеценкова — результат длительной, напряженной работы. Он свидетельствует о нестандартности мышления Сергея, способности к научной работе.

Материал о М. И. Туган-Барановском — это вообще первая публикация на страницах «Политехника» о крупнейшем российском экономисте, идеи которого переживают второе рождение.

В. ИСАЕВ,
доцент кафедры истории гуманитарного факультета

и решения, не потерявшие своей актуальности и в наше время. Уже в первом крупном труде — магистерской диссертации «Промышленные кризисы в современной Англии, их причины и влияние на народную жизнь» (СПб, 1894) основной причиной кризисов М. И. Туган-Барановский считал особенности движения ссудного капитала и ограниченность банковских ресурсов, а не противоречия между общественным характером производства и частнокапиталистической формой присвоения. Эта книга, в которой Михаил Иванович во многом следовал 2-му тому «Капитала» Маркса, создала М. И. Туган-Барановскому широкую популярность, оказав влияние на экономическую литературу в России и за рубежом.

В дискуссиях с народниками

М. И. Туган-Барановский доказывал, что капитализм в России уже существует, что он прогрессивен и исторически обусловлен. Михаил Иванович сотрудничал в демократических органах печати — журналах «Новое слово», «Начало», «Мир божий», «Журнал для всех» и других. Итогом глубокого исследования экономики русской промышленности явилась монография «Русская фабрика в прошлом и настоящем» (т. 1, СПб, 1898).

В работе «Теоретические основы марксизма» (СПб, 1905) Туган-Барановский объявил теорию Карла Маркса лишь отчасти верной и попытался дополнить марксизм этико-психологическими факторами.

Михаил Иванович Туган-Барановский был первым экономистом, выступившим за соединение трудовой теории стоимости с теорией предельной полезности. Он проводил различия между историческими и логическими категориями в политэкономии, отнес к последним ценность и стоимость как категории, присущие всем формам хозяйства. Михаил Иванович построил теорию распределения, не зависящую от цен и ценностей. По его мнению, теория ценности и цены методически несоединима с теорией распределения и должна исследоваться «...совершенно различными логическими методами» («Социальная теория распределения», СПб, 1909). М. И. Туган-Барановский отстаивал идеи «кооперативного социализма», а также идею об особой роли кооперации в капиталистическом обществе как зародыше нового, наиболее совершенного типа социального устройства. М. И. Туган-Барановский создал модель неоднородного, многоукладного и потому более гибкого, подвижного и сложного хозяйственно-экономического целого. Эта модель обоснована с экономической и этической точек зрения.

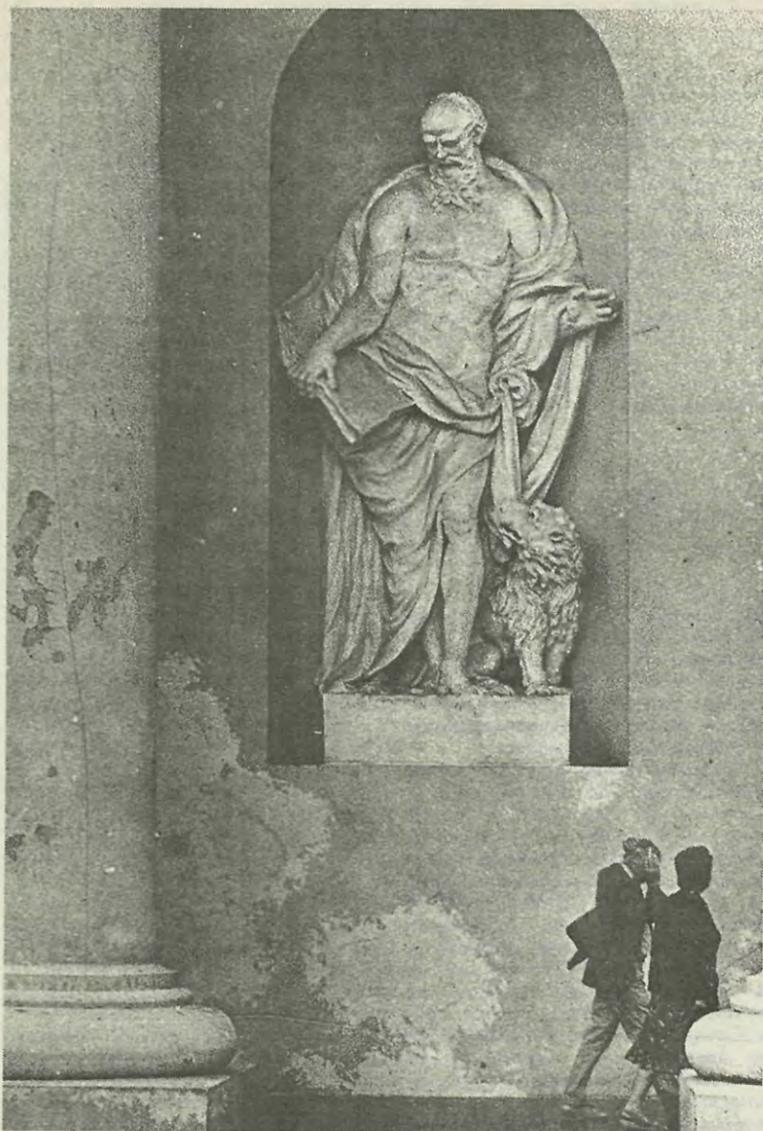
Многие работы Туган-Барановского переведены на немецкий, английский, французский и другие языки.

Из истории Политехнического

Михаил Иванович Туган-Барановский, русский экономист, историк, общественный деятель, публицист родился в Харьковской губернии в январе 1865 года. По окончании гимназии Михаил Иванович избрал специальностью естественные науки и поступил на физико-математический факультет Харьковского университета. В 1888 году он получил звание кандидата естественных наук. Но одновременно с окончанием физико-математического факультета Михаил Иванович Туган-Барановский экстерном заканчивает юридический факультет того же университета. С 1889 года он полностью отдается социально-экономическим проблемам, всецело погружается в мир социальных идей и борьбу общественных течений той эпохи.

В 1894 году Михаил Иванович Туган-Барановский защитил в Московском университете магистерскую диссертацию, а в 1898 — докторскую, но не получил в университете профессорской кафедры как политически неблагонадежный. В периоды с 1895 по 1899 г. и с 1905 по 1913 годы читал лекции в порядке частной доцентуры на кафедре политэкономии Петербургского университета. Но в 1899 г. был уволен царскими властями из Петербургского университета за политическую деятельность.

В период революции 1905—1907 гг. М. И. Туган-Барановский читал лекции в Санкт-Петербургском политехническом институте на экономическом факультете. Он читал курс политической экономии и статистики. С 1913 года Михаил Иванович становится профессором этого института, а также преподает в Народном университете Шанявского в Москве. Лекции профессора М. И. Туган-Барановского, где бы он их ни читал, неизменно собирали огромную аудиторию восхищенных слушателей. Не

Искусство

бесполезно?

Когда в нашем вузе появилась кафедра отечественной и зарубежной художественной культуры, скептических замечаний было достаточно. Не только представители точных наук, но и преподаватели кафедры, большинство которых имело значительный опыт работы в гуманитарных вузах, выражали сомнение, встретившись с аудиторией, которой надо было объяснить, зачем ей дисциплины, изучая которые можно обойтись даже без калькулятора. В этом месте посоветовать бы на сложность положения, но, нарушив традицию газетной исповеди, скажу: не это важно. Важно, что было интересно. Другой студент, другие знания, другие вопросы. Технический студент устроен иначе, чем студент гуманитарный. Он не привык полагаться на первое впечатление. Во всем, с чем он сталкивается, он расположен искать объективное начало. И потому, когда «техник» раскрепощает, наконец, свое субъективное художественное восприятие, оно, как правило, приобретает строгие и продуманные формы. Не берусь сравнивать разные студенческие аудитории, да и вряд ли в этом будет смысл. Мало ли среди «физиков» поэтов «в душе», а среди «лириков» любителей точного подхода (так, есть в нашем городе один человек, который читает, что белый цвет на картине может появляться только в правой ее части и ни в коем случае не

в левой, ибо белые были правыми. «Тогда красный цвет должен быть только слева?» — хотела спросить я, но воздержалась, опасаясь утвердительного ответа).

Хочу лишь сказать, что особенности нашего студента в значительной мере влияют на работу кафедры. Так, почти совсем исчезли узкие спецкурсы и увеличилось число занятий, цель которых возможно больше и глубже «окунуть» нашего слушателя в творческую лабораторию художника, погрузить его в атмосферу искусства, дать ему возможность почувствовать себя в ином непривычном измерении. И если это получается, уже через полгода заметен результат. Конечно, успех не стопроцентный, всех «встряхнуть» не удастся, но может быть, это произойдет в будущем?

Мы читаем литературу, изобразительное искусство, музыку, театр, кино, причем не только в их традиционных формах и жанрах, но в современном бытии со всеми изломами авангарда. За недолгий срок своего существования кафедра разработала значительное количество вариантов основных курсов и спецкурсов. При этом учитывалось мнение студентов, существующие научные разработки, опыт педагогов. На практике мы должны вместить большой объем сведений в незначительное количество часов. Поэтому общий курс, включающий лишь самый основной материал,

дополняется и развивается в спецкурсах по выбору. Особенность состава спецкурсов, читаемых на кафедре, — его мобильность и разнообразие. Студентам предлагается тематика, отражающая вопросы теории и практики художественной деятельности от культуры древних цивилизаций до творческого поиска последних лет. Около двух десятков спецкурсов предлагается студентам, но может быть, не все знают, что круг этот не замкнут, и студенческие группы имеют возможность предлагать свои темы. Кафедра стремится ответить на большинство запросов, используя силы своих педагогов, или привлекая необходимых специалистов. Занятия проходят в аудиториях, музеях, выставочных залах, библиотеках и даже в действующих соборах.

Итак, Вы получаете техническое образование. Но не стоит забывать, что пластичность и глубина нашего мышления и чувств в прямой зависимости от гуманитарного опыта, накопленного художественной литературой. Нельзя не попытаться освоить ее, если хочешь рассчитывать на себя в этой жизни. Ведь Оскар Уайльд, утверждая, что всякое искусство совершенно бесполезно, был абсолютно уверен в другом.

Т. ШЕХТЕР,
доцент, канд. фил. наук

Об ироническом преподавании теории культуры

в техническом университете

СОВРЕМЕННЫЙ человек — ироник преимущественно. Современный студент — ироник в квадрате. На исходе одной эпохи, которую трудно как-то определенно именовать, мы все оказались скученными перед дверью нового времени — «постсоциалистического», «постсоветского», «поствременного». Когда-то Августин Блаженный полагал, что время есть состояние души, которая действует в трех направлениях: прошлое — это наша память, настоящее — внимание, будущее — ожидание. Что можем мы прибавить к словам Августина? Что наше прошлое — боль и беспамьяство, настоящее ускользает, а будущее уже тягостно? Культура, которая всегда представляет собой материализацию избытка душевных человеческих сил, времени, образования, теперь переживает свое лихолетье. Можно ли преподавать теорию культуры в такое время? Не является ли это заведомо безнадежным делом?

Попадая в студенческую аудиторию, преподаватель-культуролог с порога сталкивается с иронической усмешкой студентов, которую на язык проговоренной мысли можно выразить таким образом: о какой культуре будете вы вести речь, — о той большой, которая творит бессмертные ценности, тогда это не к нам, а к гуманитариям следует обращаться, а если о культуре, которую точнее можно назвать цивилизацией, то ею мы вполне владеем, и не стоит здесь «стулья ломать». Рядом с таким ироником-студентом и преподаватель становится ироничным. «Ладно-ладно, в том, что вы думаете, есть здравый смысл, и в этом состоит ваша относительная правота. Давайте начнем с вашего утверждения, я произнесу вслух то, что вы в глубине души думаете о моем предмете. И как бы не оказалось в вашей мысли того, что вы утаили от самих себя. И если мне повезет, то я сумею заставить вас произнести панегирик культуре и образованию, и вы вслух скажете то, что я в глубине души думаю о предмете нашего спора, да и о самих нас». Так начинается первый семестр преподавания основ культурологии в Политехническом университете.

ДАТСКИЙ философ-эксистенциалист Серен Киркегор полагал, что нижний предел развития и совершенствования человека определя-

ется обстоятельствами рождения, воспитания и образования, но верхний зависит всецело от самого человека. Такой подход к проблеме культурного, да и вообще всякого духовного продвижения отчасти упраздняет вопрос о благоприятности или неблагоприятности современной ситуации для культуры. Та истина, которую открыл век XIX и на которой настаивает вся культурология XX века, состоит в том, что культура есть состояние и качество человеческого бытия. Культура превращается в склад превосходных, но бесполезных предметов искусства, если лишается живого носителя. Согласно такому представлению, культура существует в момент здесь и теперь, и наиболее удачный термин для обозначения такого «культурного» существования — «живая культура». Не может быть в культуре никакого замещения — либо ты сам воплощаешь ее своим телом, своим умом, своей волей, всей полнотой своего существования, либо о культуре вообще говорить не приходится. Один из самых выдающихся философов нашего времени М. К. Мамардашвили пояснил это положение на примере основного положения философии Р. Декарта «мысль, значит существую». Смысл декартовского основоположения сводится к тому, что в мысли нужно держаться какое-то время, потому что мысль есть постоянное напряжение, и нет никакой гарантии, что из одной мысли может последовать другая в силу определенных правил, механизмов или формальных законов мышления.

Эксплицируя декартово положение на культурологическую проблематику, можно сделать вывод, что все существующее должно превосходить себя, чтобы быть собой в следующий момент времени. Время мысли, также, как и время культуры по содержанию дискретно: то, что я являю собой сейчас, не вытекает из того, чем я был перед этим, и то, что я буду представлять собой завтра и вообще в следующий момент времени, не предопределено тем, что я есть теперь. Разумеется, речь идет о культурном модусе нашего существования. Вот почему в культуре народов появляются провалы, и вот

почему теории замкнутых культурных циклов Данилевского, Шпенглера или Л. Гумилева, описывающие внезапный расцвет и неожиданное угасание великих культур, сегодня для нас не потеряли своего значения.

Но как в старинных сказках для оживления умерших требуется не только живая, но и мертвая вода, так и в культуре есть два источника — живой и мертвый. Второй является таким же ценным и необходимым, как и первый. Он есть то, чего уже больше нет. Он — память, памятник, воплощенный в слове, в камне, в красках, в звуках. Все это, также, как и «живой» культурный носитель, помогает культуре не иссякнуть, не кануть в Лету, не развеяться в прах, а сохраниться в складах времени — в музее, в библиотеке, на стенах пещеры, в предании, — да мало ли в каких изощренных формах культура противостоит забвению, уничтожению и избыванию.

ТАКИМ образом, с одной стороны, должна сохраняться постоянная культурная работа с тем, чтобы предметы искусства восстанавливались в каждом акте уникального эстетического восприятия. С другой стороны, в самой культуре формируется сфера, в которой такая эстетическая деятельность совершается в наиболее благоприятных обстоятельствах, — это мир искусства. Процесс воссоздания и воспроизведения творения художника в акте восприятия зрителем, исполнителем, преподавателем или студентом обстоятельно исследован в философско-культурологических теориях — в феноменологии, в психологии искусства, гештальтпсихологии, и у прочих культур-медиауов. Разработаны интересные методики введения самого неподготовленного сознания, самого «невинного» зрителя и слушателя «в» произведение искусства. И тем не менее процесс этот оказывается не совсем управляемым. Никто не может дать гарантии, что самая совершенная методика приведет к тому, что посещение музея обернется тем, что древние греки обозначали термином «катарсис» — просветлением, потрясением, очищением. Но все-таки существует ряд

правил, которые способствуют успеху в этом сложном и многотрудном деле приобщения к искусству. Хотя доля скепсиса по поводу этого мероприятия еще сто лет назад изложена ироническим немецким писателем и философом Жан-Полем: «Молодой человек, выйдя из рисовальной школы, мог также славно влюбиться в красивую девушку, как и первый попавшийся парень, никогда не такую школу не входивший. Люди стремятся воспитать все то, что и без того воспитывается само собой (успех вполне достижим и неизбежен), кроме чувства красоты, которое как раз и нуждается в школе».

Сам Жан-Поль стремился создать такую школу и написал капитальный труд об эстетическом приобщении к искусству. Правда, несмотря на солидный объем, он назвал его лишь «Приготовительной школой эстетики». Да так оно и есть на самом деле, потому что мало найдется на свете людей, которые могли бы сказать, что они перешли на следующую ступень в школе искусства. Разве что невежды, профаны и полудизайны, по наблюдению того же Жана-Поля, оказываются здесь самыми большими спорщиками.

Другой теоретик искусства, принадлежащий уже к XX веку, — Генрих Вельфлин, — разработал целую систему восприятия искусства, умение видеть и читать произведения великих мастеров — теорию «образованного глаза». Основная мысль состоит в том, что художественная красота трудна и неочевидна, хотя произведение искусства всегда равно самому себе. «Видеть» в искусстве — большая наука.

И прежде, чем видеть, мы должны «знать».

ВОТ ТАКУЮ сумму знания и предлагает основной курс истории культуры. Два семестра студентам читают курс «История мировой художественной культуры». Этого времени слишком мало, чтобы говорить о настоящем знании культуры. Но анкета, которую заполнили в конце занятий студенты, свидетельствует о том, что им удалось больше, чем усвоение определенной суммы знаний. На вопрос о том, какую пользу принесли (если принесли) занятия,

помимо ответов такого рода, как «получил дополнительные сведения по интересующим вопросам» или «получил определенную информацию», наиболее «утешительными» для преподавателя являются такие как: «повысился интерес к изучаемому предмету» или «появилось желание узнать больше». Некоторые ответы на этот вопрос касаются проблемы преподавания гуманитарных дисциплин в техническом вузе: «несколько исправил довольно-таки серьезный перекос в сторону левого полушария»; «занятия способствовали восстановлению образного мышления»; «занятия дали возможность поговорить не только о процессорах». Такие оценки и относятся к тому, с чего я начала свои рассуждения — речь идет о том, что ироническая склонность к обычному для технической ориентированного интеллекта предубеждению против гуманитарного предмета как чужеродного и отвлекающего от «дела» снимается только в процессе преподавания и никак не иначе. Потому еще один зафиксированный студентом ответ на вопрос о ценности занятий звучит вполне последовательно: «узнал много нового, понял, увидел будущее». Ироническая дистанция между студентами и преподавателями, страшная только в том случае, если ответ на поставленный вопрос звучит как «ничего», «никакой пользы», эта дистанция постепенно исчезает, и мы становимся людьми одной культуры; а результатом прослушанного курса может быть такая оценка: «ощутил гордость за своих предков».

Справедливости ради нужно признать, что и негативистские оценки встречаются, редко, но бывают, и причины здесь самые разные — от воинственной и полунистерической самодостаточности — до того, что преподаватель просто упустил чей-то интерес или что-то сорвалось, и тем самым отдалило общение в воллшем мире искусства. Вина общая, но ситуация не безнадежна. Ведь если повезет, и мы сообщим будем «делать культуру», то занятия «принесут радость просто от хорошего человеческого общения» — это тоже ответ на вопрос о пользе занятий по культурологии.

В. СЕРКОВА,
канд. филос. наук,
ст. преподаватель каф.
«Отечественные и зарубежные культуры»

ПЕРВЫЙ ШАГ.

Дай Бог, не последний

В стенах великолепного Мраморного дворца, под звуки Российского гимна, при большом стечении народа открылась постоянная экспозиция Русского музея. Новые владельцы дворца предложили искусственным в музейных делах гражданам приятный подарок.

Выставка парадных русских портретов, развернутая Русским музеем в залах Мраморного дворца, включает в себя свыше 100 произведений живописи, а также скульптуру и предметы декоративно-прикладного искусства. Предлагаемая зрителям экспозиция охватывает период с конца XVII по начало XX вв.

Многие из представленных на выставке произведений не экспонировались с 1917 года и удерживались в фондах исключительно по политическим мотивам — портреты членов императорской семьи от Николая I до Николая II, представительницы высшей аристократии. Большая часть крупноформатных произведений хранилась на «валах», многие вещи никогда не видели даже старейшие сотрудники музея («Аллегорический портрет Елизаветы Петровны» кисти Ж.-Л. Лагрена и проч.).

Выставка состоит из двух частей. Первая — условно галерея императорских портретов, вторая — парадные портреты различных типов, объединенные в экспозиции по тематическому принципу. В «императорской га-

лерее» основной принцип экспонирования — хронологический. Там представлены портреты членов императорской семьи, от Петра I до царевича Алексея Николаевича. В «императорскую галерею» входит также зал «орденских портретов» (персонажи в орденом облачении) и зал аллегорических императорских портретов.

Вторая часть экспозиции состоит из залов портретов петровского времени, периода, когда только начинает складываться тип русского парадного портрета (парсуна, аллегорический портрет в форме конклюдии, групповой портрет, конный портрет); фамильной портретной галереи (на основе портретов семьи Строгановых), портретов деятелей церкви, членов Совета Академии художеств: директоров, академиков, профессоров, выдающихся русских живописцев, скульпторов, архитекторов. За ним следуют залы детского портрета, женского и семейного портрета.

Среди создателей представленных на выставке произведений крупнейшие русские живописцы: И. Никитин, Д. Левицкий, В. Боровиковский,

П. Басин, В. Голике, И. Макаров, К. Маковский, И. Крамской и другие. Крупнейшие мастера-иностранцы, работавшие в России: Ж.-Л. Лагрена, А. Рослин, Ж.-Л. Монье, С. Торелли, И.-Б. Лампи и другие.

Внимание зрителей, несомненно, привлекут и персонажи экспонируемых портретов, в числе которых Платон и Валериан Зубовы, Я. Сиверс, П. Шувалов, И. Васильчиков, Б. П. Шереметев, А. П. Ермолов, представители известнейших русских фамилий — Нарышкины, Голицыны, Муравьевы-Апостолы, Строгановы, а также деятели русской художественной культуры — И.-Ф. Жилле, Д. Левицкий, Ю. Фельтен, И. Мартос, И. Старов, А. Брюлов и многие другие.

Сегодняшний показ этих портретов имеет не только иконографический смысл, но позволяет продемонстрировать великолепные произведения отечественного искусства, вернуть их национальной художественной культуре, вновь открыть так долго остававшуюся в тени ее страничку.

Такая выставка была бы невозможна еще несколько лет назад. Существенно и то, что эти полотна и скульптура выставляются именно в Мраморном дворце, который сам по себе является великолепным памятником отечественной культуры. Экспонируемые произведения выигрывают во много раз, попав в органичную для них среду.

По мере реставрации здания экспозиция, возможно, будет расширяться новыми произведениями этого жанра, поскольку возможности Русского музея велики. Еще в 1905 г. С. П. Дягилевым была открыта выставка русского исторического портрета в Таврическом дворце — одна из интереснейших выставок начала века, привлечшая огромное внимание публики и критики. Эта выставка должна была стать основой национальной портретной галереи. Такие галереи есть во многих европейских странах. Будем надеяться, что открытая после почти 90-летнего перерыва, экспозиция портретов явится первым шагом в реализации этого благородного начинания С. П. Дягилева.

В сентябре прошлого года наш хор дал несколько концертов в Западной Германии, в городах Детмольде и Билефельде, где нам был оказан истинно сердечный прием и была организована очень интересная программа, но свободного времени оставалось немного. И хотя мы жили в семьях детмольцев, но с хозяевами общались и интенсивно знакомились, в основном, вечерами, после концертов. Но субботним утром 14 сентября мы поступили в их полное распоряжение. Учительница начальной школы Лизелотта и ее муж Петер, тоже учитель, пенсионер, уже предложили нам осмотреть кладбище Штакенброк. «Там есть могилы русских», — сказали они.

«Мы этого не хотели...»

Перед тем, как направиться в Штакенброк, заехали в цветочный магазин и купили ярко-желтые хризантемы в горшках. Лизелотта вышла из магазина с охапкой розовых гладиолусов. Петер еще дома положил в багажник огородную лопату и поставил ведро с водой.

«Общение наше с Лило и Петером проходило на немецком, а изучать его мы закончили в начале 60-х годов! Что-то не припоминаю, чтобы в те годы уделялось много времени изучению разговорной речи. Но сейчас, через 30 лет, каким-то чудом вспоминались отдельные, нужные в обиходе слова и грамматические конструкции. Так что кое-что в рассказах Петера и Лило мы понимали и кое-как могли объясняться. По дороге мы узнали, что во время второй мировой войны в местечке Штакенброк находился концлагерь для советских военнопленных. В конце войны английские войска заняли эти места, вошли на территорию концлагеря, сбили замки барачных. Нам встречку освободителям вышли немногие. Оставшиеся в живых, ослабевшие от голода и пыток, заключенные помогали хоронить товарищей.

Перебираю в памяти известные названия: Бухенвальд, Майданек, Трелблинка. Нет, о Штакенброк слышу впервые.

Минут через 40 подъезжаем к воротам кладбища. Хотя это скорее калитка, невысокая, кованая, напоминающая решетку из огромных гвоздей. Входим в нее и оказываемся в залитой утренним солнцем молодой березовой рощице. В центре, на зеленой лужайке — сооружение из грубо отесанных кусков гранита и искореженных железных прутьев, символизирующих застенки.

Здесь, в этой рощице, под нашими ногами — братская могила. Лизелотта и Петер оставляют у памятника розовые гладиолусы. Справа братскую могилу огибает аллея с бетонными надгробиями, на каждом в верхней части нарисована красная звездочка, ниже — торжественно-скорбные строки стихотворения на русском языке; есть надписи на

немецком и английском. В центре аллеи — стела на мощной гранитной основе, на трех ее сторонах — мраморные доски с надписью на трех языках: «Здесь покоятся русские солдаты, замученные в фашистском плену. Их было 65000. Вечная память товарищам! 1941—1945».

У подножия памятника много цветов, венков, надписи на лентах говорят, что здесь 1 сентября 1991 г., в годовщину начала второй мировой войны, в торжественном траурном карауле стояли представители группы Советских войск в Германии, различных немецких общественных и христианских организаций, в том числе и молодежных.

Пройдя от памятника по аллее еще немного, увидели слева утопаю-

щие в розовом вереске ряды гранитных надгробий. Невысокие — до полуметра — плиты, шириной около метра. Пробую сосчитать: кажется, около трехсот. На многих — имена, отчества, фамилии. Даты рождения — разные, на некоторых камнях их нет, дата смерти — 1945. На некоторых — «неизвестен». Тот, кто выбивал в граните это слово, вероятно, не силен был в русской орфографии. Возле двух таких надгробий мы и посадили ярко-желтые хризантемы.

В этой части кладбища мы увидели еще один мемориал. И здесь тоже много цветов и венков. Возложение было 2 недели назад, а они — свежие. Мы узнали, что с самого начала за могилами ухаживали и делают это до сих пор по велению сердца простые немцы, а не «правительство». Это жители ближайших поселков, среди них много молодых людей из различных христианских общин, есть и молодые коммунисты.

Читаем имена, фамилии... Для родных это — «пропавшие без вести». Кого-то до сих пор безуспешно разыскивают уже около полувека.

В этот ранний час мы были здесь одни, но когда собрались уезжать, обратили внимание на двух молодых военных, обнаживших головы у мемориала. Петер и Лизелотта тоже увидели их. Петер заволновался: «Эти солдаты Бундесвера», — сказал он, потом подошел к ним, стал что-то говорить, показывая в нашу сторону. К выходу Петер и солдаты шли впереди нас. За воротами их ждала машина, они сели в нее, потом один из них открыл дверцу, что-то крикнул, и наша хозяйка подошла к машине. Через минуту она вернулась, в глазах ее были слезы, они мешали ей говорить: «Этот солдат сказал мне: «Передайте этим дамам, пусть они простят нас, мы не виноваты, мы этого не хотели».

Два года назад Петер приезжал в Белоруссию, искал могилу отца, погибшего там в 1942 году. Конечно же, не нашел.

Е. Д. ТРОИЦКАЯ,
УЧАСТНИЦА ХОРА
Технического университета

Возможна ли гуманитарная помощь?

Русская писательница Татьяна Толстая, читая лекции и выступая перед американской молодежью, была неприятно удивлена смехом в аудитории при слове душа. Упитанные розовощекие юноши и девушки оказались глухи, как ей показалось, к глубинным духовным проблемам и исканиям героев на лекциях о Достоевском, да и вообще почти ничего не знали (хотя что тут удивительного?) из классической русской литературы. Что там Настасья Филипповна, князь Мышкин и Маркар Девушкин!

Такой взгляд на американское общество — как общество бездуховных потребителей — довольно распространен у нас и призван, наверное, оттенить нашу «трагическую духовность и страдательность». Но сложно

беспристрастно оценить себя изнутри, хотя и очень хочется.

Общаясь со студентами нашего университета на лекциях, семинарах и экскурсиях, посвященных истории изобразительного искусства, можно вполне представить уровень их гуманитарного образования. Он, конечно, оставляет желать лучшего. Простой, как правило, пример: если на занятиях должна быть группа из двадцати человек, как ни старайся, приходит пять-семь, а то и меньше. Из разговора с этими энтузиастами ясно, что очень немногие могут воспринимать университетские курсы гуманитарных культурологических дисциплин, пусть даже самых ликбезовских с нуля,

не имея хоть какой-нибудь предварительной подготовки, элементарного интереса, который когда-нибудь мог быть привит в детстве или возникнуть самостоятельно, то, что раньше высокопарно называлось «тягой к прекрасному» или «любовью к изящным искусствам». Дело, правда, может быть поправимым, ведь сейчас вводятся факультативные или обязательные курсы в школах, лицеях, гимназиях — «мировая художественная культура». Насколько может повыситься эффективность общения со студентами, возрасти требования к себе у преподавателя, когда он читает подготовленной аудитории.

Я не склонен оптимистически

утверждать, что новые студенты будут лучше. Меня устраивает, когда в «плохой» группе два-три-четыре человека сами подкажут новые темы, говорят о новых выставках, просто обсуждают разные житейские и философские вопросы.

Наивная мечта разночинцев XIX века, что дай только свободу народу, так он «Белинского и Гоголя с базара понесет», увы, не оправдалась. Наступила свобода печати — и что же на книжных прилавках...? Сами знаете — Чейз и Анжелика с Тарзаном. Возможность свободы выбора — что читать, что смотреть, что слушать — породила парадоксальную ситуацию: читают все равно не то. Можно было

бы, кажется, и лекции превратить в остросюжетные истории «с продолжением». Но не хочется. Не мой жанр. И если не благоденствовать, не заниматься самообманом, следует признать, что такая ситуация с историей искусства, культурологией будет сохраняться долгое время. Мы обречены на интерес немногих благодарных слушателей. Возможно ожидать перемен только в случае усовершенствования всей системы среднего и высшего образования, изменения самого отношения к гуманитарным наукам в обществе, где дворник пока получает столько же, сколько преподаватель.

Г. ЕРШОВ,
ассистент каф.
отечественной
и зарубежной
культуры,
историк искусства